

18+ ОД ДРЕВНЕЙ КРОВИ:

Сердца под
Тенью "Вечного Стража"

Автор Этерия

Этерия

**Код древней крови: Сердца
под тенью «Вечного Стража»**

«Издательские решения»

Этерия

Код древней крови: Сердца под тенью «Вечного Стража» /
Этерия — «Издательские решения»,

«Код древней крови: Сердца под тенью „Вечного Стража“» — первый роман серии «Код древней крови» о родовых тайнах, наследии и цене любви. Во Франции конец 18 века, среди старинных лесов и мрачных тайн рода де Виконси, пробуждается история, где любовь тесно сплетается с древним проклятием. Молодой граф Филипп, его отец Анри и внучка знахарки- Кристин, оказываются связаны тайной, скрытой в крови и памяти предков. Но Вечный Страж хранит не только силу, но и судьбы тех, кто осмелится его потревожить.

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Охота. Встреча с судьбой	8
Глава 2. Избушка знахарки	10
ГЛАВА 3. Лес и язык сердца	12
ГЛАВА 4. Тени между сердец	15
ГЛАВА 5. В поисках молодого графа	18
ГЛАВА 6. Легенда о Вечном Страже	22
Глава 7. Эхо леса	26
ГЛАВА 8. Зов Сердца	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Код древней крови: Сердца под тенью «Вечного Стража»

Этерия

Иллюстратор Олеся Константиновна Заборских

Дизайнер обложки Олеся Константиновна Заборских

Редактор Ксения Сергеевна Мамцева

© Этерия, 2026

© Олеся Константиновна Заборских, иллюстрации, 2026

© Олеся Константиновна Заборских, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-2631-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Вечный Страж молчал двести лет. Пещера у реки Очищения хранила проклятье рода де Виконси. Кристин, дочь лесных трав и забытых имен, не знала, что она- ключ к вратам вечности. Филипп, наследник серебряных виноградников, вел ее к любви, не ведая о цене.

Эта история родилась из шепота ветра в кронах, из тумана над рекой, из костров у разрушенных алтарей. Она-о крови, что сильнее проклятий, о любви, что ярче звезд.

История начинается. Страж ждет!

Глава 1. Охота. Встреча с судьбой

У подножия мрачной горы, чьи вершины терялись в тумане, словно растворяясь в небытии, стоял древний замок де Виконси — величественное сооружение из серого камня, обвитое плющом, словно гигантскими змеями. Его зубчатые башни, казалось, впивались в низкое осеннее небо, а окна-бойницы смотрели на мир с немой, вековой тоской. Замок был окружён густым, почти непроходимым лесом, который начинался сразу за рвом, словно живая, дышащая стена. Этот лес был одновременно и домом, и ловушкой, и хранителем древних тайн. Его чащи скрывали в себе не только дичь, но и нечто более зловещее — шепот невидимых существ, тени, скользящие между деревьями, и ощущение, что за каждым стволом таится нечто, что не подвластно человеческому разуму. Ветви деревьев, переплетённые словно в паутину, создавали тёмные, извилистые коридоры, где свет солнца едва пробивался сквозь листву, окрашивая всё вокруг в призрачные, зелёные оттенки, словно мир был погружён в вечный сумрак. Воздух здесь был густым, пропитанным запахом прелой листвы, сырой земли и чего-то ещё — тонким, едва уловимым ароматом мха и древних заклинаний. Вдалеке, словно пульс дикой природы, слышался шум горной реки, стремительно несущей свои холодные, мутные воды вниз по склону, её рокот казался то ли предостережением, то ли зовом из потустороннего мира.

В этот ранний осенний день, когда воздух уже пропитался запахом прелой листвы и сырой земли, молодой граф Филипп де Виконси выехал на охоту. Ему было всего двадцать лет, но в его взгляде уже читалась решимость и уверенность, унаследованные от предков, чьи суровые портреты украшали стены замка. Филипп был высокого роста, с широкими плечами и стройной фигурой, которая выдавала в нём человека, привыкшего к физическому труду и жизни на свежем воздухе. Его тёмные волосы, цвета воронова крыла, слегка растрёпаны ветром, а глаза — глубокого карего цвета, блестели от азарта погони, но в их глубине таилась и некая задумчивость, предчувствие чего-то неизведанного.

Он был одет в традиционный охотничий костюм: тёмно-зелёный жакет из плотной, водонепроницаемой ткани, украшенный серебряными пуговицами с изображением герба рода де Виконси, облегаящие кожаные штаны и высокие сапоги, покрытые пылью лесных троп. На поясе висел охотничий нож с резной рукоятью из слоновой кости, а через плечо был перекинут кожаный патронташ с несколькими зарядами. В руках Филипп крепко держал длинное охотничье ружьё с резным орнаментом на прикладе — подарок от отца, который всегда напоминал ему о долге и чести рода. Его верный конь Сумрак, вороной жеребец с горящими глазами, нетерпеливо бил копытом, чувствуя приближение добычи, а его ноздри раздувались, вдыхая острый запах леса.

Вдруг он помчался во весь опор по узкой, извилистой лесной тропе, преследуя крупного кабана. Зверь, сбитый с толку шумом и запахом преследователя, метался среди деревьев, оставляя за собой лишь треск веток и взметнувшуюся пыль. Филипп, полностью поглощённый погоней, не замечал ни опасностей, таящихся в чаще, ни коварства лесной тропы. Внезапно, под копытами коня, скрытая опавшими листьями, оказалась глубокая яма. Жеребец громко заржал, потеряв равновесие, и сбросил своего всадника. Филипп, не успев даже вскрикнуть, полетел вниз, ударившись головой о корень старого дуба. Мир вокруг него померк, оставив лишь глухую тишину и ощущение полного забвения.

Когда сознание начало медленно возвращаться, Филипп почувствовал резкую боль в голове и холод, проникающий сквозь одежду. Он попытался пошевелиться, но тело не слушалось. Перед глазами всё ещё плыли круги, а в ушах стоял звон. Он был один, однако лес вокруг не казался безжизненным — напротив, в тени деревьев мелькали тени, и где-то неподалёку раздавались тихие звуки — шорох листьев, треск веток. Внезапно из глубины чащи появи-

лась фигура — молодая девушка, лёгкая и грациозная, словно сама природа воплотилась в её облике. Её длинные тёмно- каштановые волосы свободно спадали на плечи, а голубые глаза искрились нежностью. Одетая девушка была в простую,

но тёплую одежду, сшитую из шерсти и льна,

с лёгкими вышивками, в узорах которой чувствовалась защита. Она несла с собой плетёную корзину, заполненную свежими травами и цветами, которые, казалось, знали все тайны леса. Девушка осторожно приблизилась к Филиппу, не издавая ни звука, и, присев рядом, начала осматривать его травмы. Её руки были нежны, но уверены — она умела обращаться с ранами и знала, как облегчить страдания.

— Ты ранен, — прошептала она, — но не смертельно. Нужно унести тебя в безопасное место, пока не пришла помощь.

Филипп пытался что-то сказать, но голос не слушался. Он снова погрузился в тьму. Девушка быстро перевязала голову юноши своим платком и взвалив его на свои плечи, поволокла по невидимой тропинке. Несмотря на тяжесть, она двигалась легко и уверенно, словно лес сам помогал ей.

Путь вглубь чащи был непрост — корни деревьев, густые кусты и поваленные стволы создавали настоящие преграды. Но девушка знала каждый уголок этого леса, каждую тропинку. Через несколько минут они достигли небольшой хижины, едва заметной среди мха и папоротников. Это была избушка знахарки — женщины, которая знала тайны природы и исцеления.

Глава 2. Избушка знахарки

Девушку звали Кристин, восемнадцатилетняя внучка местной знахарки, Маргарет. Её избушка находилась в чаще леса, была известна всем окрестным жителям. Она была сложена из толстых, потемневших от времени брёвен, её крыша заросла мхом, а маленькие окошки, затянутые бычьим пузырём, едва пропускали свет. Внутри царил полумрак, наполненный запахами сушёных трав, дыма от очага и чего-то ещё, неуловимого, но ощутимого — запаха древних знаний и тайн. По стенам висели пучки трав, связки сушёных грибов, а на полках стояли глиняные горшки и склянки с неведомыми снадобьями. В углу, у очага, потрескивали дрова, отбрасывая причудливые тени на стены, а над огнём висел чугунный котёл, из которого доносился слабый, травяной аромат.

Сама знахарка Маргарет, хозяйка этого скромного, но полного мудрости жилища, была женщиной лет шестидесяти, но её глаза, глубокие и пронизательные, казалось, видели гораздо больше, чем обычные люди. Её лицо было покрыто морщинами, словно карта прожитых лет, а седые волосы, собранные в тугий пучок под платком, придавали ей вид древней лесной феи. Она была невысокой, сухощавой, но в её движениях чувствовалась скрытая сила и уверенность. Одета она была в простую, домотканую юбку и кофту, а на шее висел амулет из сушёных ягод и птичьих перьев. Её руки, узловатые от работы, были удивительно нежными, когда она касалась больного.

Девушка аккуратно положила Филиппа на простую деревянную кровать, сняла с него сапоги и начала осматривать его более внимательно. Она достала из корзины мази и настои, мягко обработала раны и нанесла на ушибленное место охлаждающую примочку. В комнате царила тишина, знахарка молча «колдовала» над котлом, добавляя в него травы, нарушало тишину лишь тихое потрескивание дров в камине и редкие вздохи раненого графа.

— Ты должен отдохнуть, — сказала девушка, укрывая его шерстяным пледом. — Здесь ты в безопасности. Никто не найдёт тебя в этой глуши.

Филипп пытался сосредоточиться на её голосе, но сознание всё ещё ускользало, унося его в тёмные глубины сна. Перед глазами мелькали образы — замок, охота, лес, а затем — эта незнакомка с глазами цвета неба, которая словно появилась из самого сердца чащи.

Она села рядом и внимательно наблюдала за его дыханием. В её взгляде читалась тревога и забота, но также и нечто большее — любопытство, пробуждающееся чувство, которое она сама не могла до конца понять.

— Как тебя зовут? — тихо спросил Филипп, когда боль немного отступила, и голос стал крепче.

— Кристин, — ответила девушка, улыбаясь сквозь усталость. — Я живу здесь с бабушкой — знахаркой. Мы помогаем тем, кто заблудился или пострадал в лесу.

— Спасибо, Кристин, — прошептал граф, чувствуя, как впервые за долгое время его сердце наполняется теплом.

За окном ветер шептал свои древние сказания, а Вечная Стража — гора, что возвышалась над замком и лесом — казалась немым свидетелем этой встречи.

Утро медленно пробивалось сквозь плотный покров ветвей, окрашивая хижину в мягкие золотистые тона. Лучи солнца играли на деревянных стенах, отражаясь в каплях росы, что ещё не успели испариться с листьев за окном. Филипп открыл глаза, чувствуя лёгкую слабость, но уже без той невыносимой боли, что сковывала его ночью. Рядом сидела Кристин, её лицо было озарено нежной улыбкой, а в руках она держала чашку с тёплым отваром.

— Ты проснулся, — сказала она тихо, — хорошо, что ночь прошла спокойно. Твой лоб почти не горячий.

Филипп попытался сесть, но слабость снова взяла верх, и он лишь слегка повернул голову, чтобы взглянуть на девушку.

— Спасибо тебе, Кристин, — произнёс он, голос был всё ещё хриплый. — Без тебя я не выбрался бы из леса.

Она кивнула, не отводя взгляда.

— Лес не прощает ошибок, особенно таким, как ты, — её глаза блеснули серьёзностью. — Ты слишком рисковал, гоняясь за кабаном в этих местах. Здесь много ловушек — не только природных, но и тех, что оставили предки.

Филипп нахмурился, пытаясь понять её слова.

— Ловушки? — переспросил он. — Что ты имеешь в виду?

Кристи встала и подошла к окну, глядя на густой лес, который казался живым и дышащим.

— Этот лес хранит свои тайны, — начала она, — и не все они доброжелательны. Моя бабушка часто рассказывает о Вечном Страже — горе, что стоит над замком твоего рода. Говорят, что там обитают духи, которые охраняют землю и наказывают тех, кто нарушает покой.

Филипп задумался. С детства он слышал легенды о Вечном Страже, но всегда относился к ним как к сказкам для детей. Теперь же, лежа в этой хижине, он ощущал, что в этих историях есть доля правды, и что лес действительно живёт своей собственной, непостижимой жизнью.

— Может быть, — тихо сказал он, — но я не могу позволить страху управлять собой. Мой долг — защищать земли де Виконси и поддерживать порядок. Если лес опасен, значит, я должен узнать, в чём именно заключается эта опасность.

Девушка повернулась к нему, её глаза блестели решимостью и одновременно тревогой.

— Ты не одинок в своих стремлениях, Филипп. Но будь осторожен. Иногда знание — это бремя, которое не каждый готов нести. Особенно когда речь идёт о вещах, что выходят за пределы обычного понимания.

Она подошла к столу и взяла из корзины небольшой свёрток с засушенными травами.

— Эти растения помогут тебе восстановиться быстрее, — сказала она, протягивая ему свёрток. — Но помни, что настоящая сила — в уважении к лесу и его тайнам.

Филипп взял свёрток, чувствуя, как тепло от рук девушки передаётся ему, словно обещание защиты и поддержки.

— Спасибо, Кристин. Я хочу узнать больше о твоей бабушке и о том, что она знает. Может быть, вместе мы сможем разгадать загадки Вечного Стража.

Девушка улыбнулась, и в её взгляде мелькнуло что-то, похожее на надежду.

— Тогда оставайся здесь, пока не поправишься. Лес не спешит раскрывать свои тайны, но я помогу тебе понять его язык.

В этот момент за окном послышался лёгкий шум — словно кто-то или что-то наблюдало за хижинкой из глубины леса. Филипп напрягся, но девушка лишь спокойно кивнула.

— Не бойся, — прошептала она. — Это лес приветствует тебя. Но помни: каждый шаг здесь — испытание.

Так началась новая глава в жизни молодого графа де Виконси — глава, наполненная загадками, опасностями и неожиданными союзами. Под покровом лесных теней Филипп впервые ощутил, что его судьба связана с тайнами Вечного Стража и загадочной Кристин. Он знал — впереди ждут испытания, но теперь он не один. Лес шептал свои древние сказания, а сердце графа наполнялось решимостью разгадать их. Впервые за долгое время он поверил, что сможет защитить свой род и понять силу, скрытую в этих чащах. Так началась их общая история — история, которая изменит всё.

ГЛАВА 3. Лес и язык сердца

Дни, проведённые в хижине, текли медленно
но каждый из них прибавлял к жизни Филиппа что-то новое — не только силы, но и восприятие мира по-другому.

Каждое утро Кристин приходила к кровати раненого графа с чашкой тёплого травяного отвара, от которого в голове рассеивался туман,

а в теле появлялась лёгкость, как будто лес мало-помалу принимал его в свой круг.

Маргарет сидела у очага, перебирая в руках сухие стебли, иногда бросала в котёл горсть чего-то,

что отдавало запахом лесного дождя и старой земли.

Филипп, поначалу удивлённый такой простотой,

всё чаще задавал вопросы:

— Почему Вы так бережно относитесь к каждому листу и ветке?

— Что значит «жизнь природы»?

— Разве лес может быть живым, как человек?

Кристин улыбалась, и в её глазах зажигался мягкий свет, словно кто-то в ней в ответ на его вопросы пробуждался к жизни.

— Природа, — говорила она,

медленно, словно взвешивая каждое слово,

— это не просто деревья, травы, реки и камни.

Природа — это дыхание, пульс, чувство, что объединяет всё вокруг.

Лес — живой организм, такой же, как ты и я,

только он дышит в другом масштабе, а боли и радости его чувствуются не кожей, а корнями, листьями, ветром.

Она встала, подошла к окну, раскрыла ставни, и через щель ворвался свет, переполненный шёпотом листвы.

— Смотри, — прошептала Кристин,

— нет ни одного случайного листа.

Каждый из них — как рука, что тянется к небу,

или корень, что крепится в земле.

Если ты уважаешь, он отвечает тебе спокойствием,

тылом, здоровьем...

а если ты не слышишь — ответ приходит в ране,

в усталости, в ощущении, что что-то в твоей душе разрушено.

Филипп слушал, это была жизнь в гармонии с собой и миром, жизнь с открытым сердцем и чистой душой. И чем больше он наблюдал за ней, чем больше слушал ее простые, но глубокие слова, тем сильнее чувствовал, как что-то внутри него меняется. Тень его прежней жизни, его титулов и обязанностей, казалось, начала рассеиваться под лучами этой неожиданной, лесной доброты. Он начал видеть мир ее глазами, и этот мир оказался куда более прекрасным и значимым, чем тот, который он знал раньше.

Ему было странно, что он, воспитанный среди холодных законов дворянской чести, начинает понимать язык, который раньше называл бы «суеверием».

Когда к нему достаточно вернулись силы,

Кристин помогла ему подняться, и они вышли впервые за пределы хижины.

Филипп попросил Кристин показать ему лес. Она с радостью согласилась, и они отправились в небольшую прогулку по тропинке, ведущей от избушки вглубь чащи. Кристин шла впереди, легко переступая через корни деревьев, и рассказывала ему о каждом растении, о

каждом звуке. Она знала названия всех цветов, понимала язык птиц и даже могла предсказать погоду по поведению муравьев.

Молодой человек слушал ее, замороженный. Он никогда не видел мир таким, каким видела его Кристин. Для него лес был просто скоплением деревьев, а для нее — живым, дышащим организмом, полным тайн и чудес. «Ты знаешь так много о природе, Кристин, — сказал он, когда они остановились на небольшой поляне, откуда?» «Бабушка научила меня, — ответила она, ее глаза сияли. — Она говорит, что природа — это наша Мать, и мы должны уважать ее и заботиться о ней. А еще, когда ты любишь что-то или кого-то, ты начинаешь понимать его».

Эти слова глубоко тронули Филиппа. Он понял, что Кристин не просто знала названия трав и птиц, она любила этот лес всем сердцем. И эта любовь делала ее такой сильной и мудрой. Он начал замечать, как часто его мысли возвращаются к ней, к тому, что ему нравится ее мир. Он ловил себя на том, что ищет ее взгляд, что ждет ее улыбки. — Смотри, — сказала девушка в какой-то момент,

остановившись у старого дерева, чьи корни походили на руки, вцепившиеся в землю.

— Это — дуб. Его корни уходят глубоко, он помнит десятки поколений людей, которые проходили здесь, а ещё дальше — само время, когда здесь ещё не было ни замка, ни твоих предков. Филипп протянул руку и коснулся коры —

она была грубой, сухой, но под ладонью словно билось слабое тепло, будто кровь, что пульсировала в теле дерева.

— Ты чувствуешь? — спросила Кристин.

— Не просто дерево, а живое существо, что ни на секунду не перестаёт дышать.

Филипп кивнул, и в его душе вспыхнул восторг —

не детская радость, а удивление взрослого человека, впервые столкнувшегося лицом к лицу с силой, которую не увидишь в отчётах замка.

Каждый шаг рядом с Кристин был для него открытием.

Она показывала ему, как в росе на травах отражается небо, как ветер, проходящий между ветвями, на самом деле несёт голоса тех,

кто много лет назад прошёл по этой земле,
оставив часть своей души в лесу.

Он слушал, и с каждым новым её словом
в его душе росло не только понимание,
но и что-то другое, более тёплое и опасное,
что он не хотел называть чувством.

Он не мог не замечать, как свет играет в её тёмно-каштановых волосах, как её взгляд становится мягче, когда она смотрит на лес,

на животное, на маленькое насекомое, на цветок,
растущий между камнями.

Филипп удивлялся, как девушка, выросшая вдали от людей, между деревьями и мхом, обладает внутренним благородством, узнающимся не в поклонах и манерах, а в глубине её слов, в её внимании, в её любви к тому, что многие называют просто «природой».

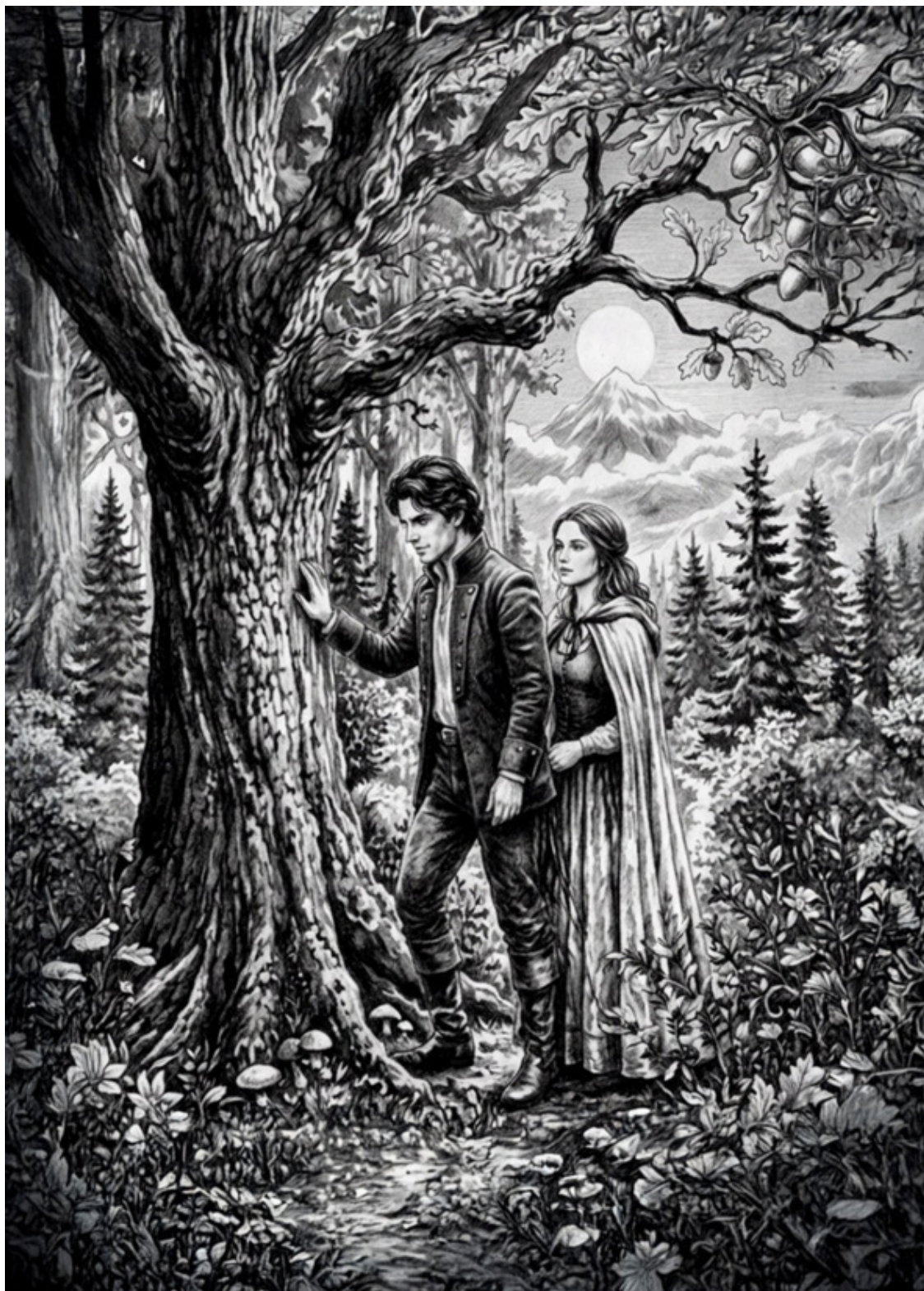
Он чувствовал, как в его душе зарождается что-то новое, что он не умел ещё по-настоящему назвать,

но оно уже разворачивалось в тёплый свет,
слегка сдавливая сердце.

Он удивлялся миру, который раскрывался перед ним, и ещё больше — девушке, которая была его проводницей.

Филипп не мог сказать себе, что это любовь,

но он уже понимал, что без Кристин этот лес был бы для него просто тьмой и тайнами. С ней же он становился языком, на котором он начинал слышать и понимать мир.

ГЛАВА 4. Тени между сердец

Дни за днями Филипп становился всё увереннее в движениях, и его пребывание в хижине превратилось из вынужденного отдыха в странное, но желанное изгнание — из мира замка, правил и династических союзов — в мир, где в центре стояли лес, травы, и взгляд Кристин.

Они проводили долгие часы у очага или под навесом, где Кристин разбирала свои травы, а Филипп задавал вопросы, сначала скромные, потом всё более личные. Он узнал, что девочка росла в тени горы, слушая рассказы Маргарет о духах, о том, как каждая трава «знает», для чего она дана людям. Он начинал понимать, что для Кристин простота — это не бедность, а чистота души, доброта — не слабость, а связь с чем-то большим, чем его мир.

«Ты научила меня видеть то, чего я раньше не замечал, Кристин, — признался Филипп — Ты показала мне, что мир гораздо больше, чем стены моего замка и дворцовые интриги».

Он протянул руку и осторожно коснулся ее ладони. Ее кожа была теплой и немного шершавой, но в этом прикосновении было столько нежности, что юноша почувствовал, как по его телу пробегает волна тепла.

«Я не знаю, что будет дальше, — продолжил он, глядя ей в глаза. — Но я знаю, что эта встреча изменила меня. И я благодарен тебе за это».

Кристин не отняла руку, но и не сжала его ладонь. Она просто смотрела на него, и в ее глазах читалось спокойствие и принятие. Она знала, что их пути разойдутся, но она также знала, что эта встреча оставит след в их сердцах.

«Каждый человек приходит в нашу жизнь, чтобы научить нас чему-то, — тихо сказала она. — А потом уходит, оставляя нам урок».

Филипп почувствовал, как его сердце сжимается от нежности и грусти. Он понимал, что она права. Он попал сюда раненый, слабый, и она, и ее бабушка, дали ему не только исцеление тела, но и исцеление души.

«Я никогда не забуду тебя, Кристин, — прошептал он, и в его голосе звучала искренность. — Ты — как лучик света в моей жизни».

Кристин лишь слегка улыбнулась, и в ее глазах мелькнула искорка, которую Филипп не мог понять. Это была искорка надежды, или, возможно, предчувствие чего-то большего. Он чувствовал, как его прежняя жизнь, с ее суетой и пустыми амбициями, кажется ему теперь такой далекой и незначительной. Он хотел остаться здесь, в этой лесной избушке, рядом с этой удивительной девушкой, которая научила его видеть красоту в простом и ценить истинные чувства.

— Ты никогда не скучаешь? — однажды спросил он, глядя, как она с любовью выкладывает пучки на верёвку, чтобы они высохали в тишине.

— Ты живёшь так далеко от всех, от людей, от света...

Она подняла на него взгляд, в котором не было ни жалобы, ни гордости, только лёгкая задумчивость.

— Я живу там, где чувствую себя живой, — мягко сказала она.

— Ты, может быть, называешь это «далеко от людей», но я чувствую здесь больше жизни, чем во многих богатых залах.

Филипп опустил глаза, чувствуя в её словах намёк на то, что его мир — слишком тяжёлый, слишком шумный, слишком пустой.

С каждым разговором он всё больше поражался её простоте, доброте, и той удивительной силе, что не требует крика, а лишь тихого, устойчивого присутствия.

Он замечал, как в её глазах вспыхивает что-то тёплое, когда они смеются над чем-то незначительным, как она ловит его взгляд, затем так же быстро отводит его, боясь, что он что-то заметит.

Он чувствовал, что Кристин тоже медленно сближается, не говоря об этом словами, но в её руках, в её внимании, в том, как она тщательно перематывает ему повязку, словно боясь причинить боль, проглядывалось что-то большее, чем забота о раненом.

Однажды ночью, когда Филипп уже засыпал, Кристин шепнула Маргарет:

— Бабушка, он... он не такой, каким казался раньше.

Маргарет подняла на неё глаза, в которых было и тепло материнства, и глубокая, старая боль.

— Я знаю, — коротко ответила она.

— Но, Кристин, любовь — это не только тепло, это ещё и тень. Тень над тобой, над ним, над всем, что вы еще не понимаете.

Кристин хотела возразить, но бабушка жестом остановила её, словно знала, что сказать больше — значит, предвосхитить тяжёлую правду, для которой девушка не готова.

Маргарет всё чаще смотрела на молодых людей,

сидящих у порога, разговаривающих, смеющихся,

и в её груди поднималась тоска, длинней, чем любая из её седых кос.

В её глазах темнели следы старых знаний —

знаний, что между графом де Виконси и внучкой знахарки не может быть простого, светлого будущего, каким его мечтательно рисуют девушки.

Однажды, когда Филипп помог Кристин собирать мхи на склоне, Маргарет стояла в тени хижины,

наблюдая, как он смеётся, как Кристин указывает ему на редкие растения, как их руки иногда касаются друг друга — один раз, два, три раза,

так и не осознавая, что каждый такой миг приближает их к тому, что принесет лишь боль.

Она подошла к внучке, когда Филипп ушёл внутрь,

помогая Маргарет перетаскивать связки трав.

— Кристин, — тихо сказала старая знахарка, чтобы её не услышал граф, который уже вернулся в хижину, — не привязывайся к нему, и не пускай глубоко в сердце.

Девушка удивлённо вскинула глаза:

— Почему? Он... он хороший человек.

Маргарет вздохнула, словно каждый её вдох поднимал из тьмы горы память и боль.

— Он хороший, — тихо сказала она.

— Но ты не для него, а он — не для тебя.

Между вами нет будущего, Кристин.

Я давно чувствую это, я читала в тенях, в расположении трав, в шёпоте ветра.

Кристин нахмурилась, её губы слегка дрогнули,

как будто впервые столкнувшись с тем, что жизнь может быть жестокой, даже к тем, кто в ней искренний.

— Почему ты так говоришь? — прошептала она.

— Почему ты против него? Он ведь не сделал ничего плохого...

Маргарет грустно посмотрела на неё:

— Иногда достаточно просто того, что он из рода де Виконси — тихо сказала она.

— Горы помнят, а лес не забывает. То, что произошло много веков назад, ещё живёт и в камне, и в крови, и в судьбе тех, кто носит имя де Виконси.

Кристин задрожала, она отказывалась понимать слова бабушки.

— Я не люблю его, если ты переживаешь за это-

слишком резко произнесла она.

— Я просто помогаю ему, как и другим, кто попадает в беду.

Маргарет кивнула, но в её глазах отразилось печальное понимание, что внучка ещё слишком молода, чтобы отличить простую благодарность от первых ростков чувства, и что, истина придёт не через слова, а через боль и испытания.

ГЛАВА 5. В поисках молодого графа

Пока молодой граф Филипп де Виконси, сломленный и израненный, приходил в себя в скромной лесной избушке под заботливым присмотром знахарки Маргарет и ее внучки Кристин, в замке Виконси, что раскинулся у подножия мрачной горы, царила суматоха. Древние стены, окутанные густым, почти непроходимым лесом, и серебристая лента горной реки, что несла свои воды неподалеку, казалось, замерли в тревожном ожидании.

Весть о возвращении раненой лошади молодого графа, но без самого седока, обрушилась на замок подобно грому среди ясного неба. Конюх, бледный как полотно, доложил обо всем старому графу Анри де Виконси. Наступала ночь, и решение было единогласным: поиски начнутся с первыми лучами солнца.

Замок Виконси был воплощением суровой мощи и древности, построенный в середине XVI века, но с элементами, сохранившимися с более ранних времен. Его серые каменные стены, покрытые мхом и плющом, возвышались над землей, словно стражи веков. Высокие башни, увенчанные зубчатыми коронами, пронзали небо, а узкие бойницы казались слепыми глазами, вглядывающимся в окружающий лес. Внутри царил полумрак, освещаемый лишь мерцанием факелов и свечей, отбрасывающих причудливые тени на стены. Тяжелые дубовые двери, окованные железом, вели в просторные залы, где на стенах висели старинные гобелены, изображающие сцены охоты и битв, и громоздкая мебель из темного дерева, обитая бархатом и кожей, казалась частью самой истории. В воздухе витал сложный аромат: смесь сырости камня, запаха древесины, дыма от камина и едва уловимого, но стойкого запаха дорогих духов, оставшихся от покойной графини Софи.

Старый граф Анри де Виконси, хозяин этого каменного гиганта, был человеком сурового нрава и железной воли. Его внешность соответствовала его характеру: высокий, широкоплечий, с густыми седыми волосами, обрамляющими лицо с резкими чертами. Его карие глаза, глубоко посаженные под густыми бровями, горели холодным, пронзительным взглядом, а нос с горбинкой придавал ему вид хищной птицы. Высокомерие было его второй натурой, а гордость — незыблемым принципом. Он редко улыбался, и его слова, произнесенные низким, рокочущим голосом, всегда несли в себе вес власти.

Слуги, привыкшие к строгому порядку и беспрекословному подчинению, метались по замку, словно испуганные птицы. Главный конюх, крепкий мужчина с обветренным лицом по имени Жак, с тревогой осматривал раненую лошадь Филиппа, его руки, привыкшие к уходу за животными, теперь дрожали. На кухне суежилась повариха Марта, женщина с добрыми глазами и пышными формами, готовила провизию для тех, кто утром отправится на поиски, ее помощница, юная Лиза, с испуганными глазами носилась туда-сюда, выполняя поручения. Оружейник, старый и молчаливый Пьер, с сосредоточенным видом проверял снаряжение, его пальцы, покрытые шрамами, ловко орудовали над ружьями и ножами. Каждый шорох, каждый звук казался усиленным в напряженной тишине, предвещающей тревожное утро.

Сам граф Анри не спал. Он сидел у массивного камина в главном зале первого этажа, где языки пламени отбрасывали причудливые тени на каменные стены. В его руке покоился тяжелый кубок с вином, собранным с его собственных виноградников, терпким и насыщенным, как и его характер. Он смотрел на огонь, но видел не его игру, а образ сына. Филипп... Этот юноша, выросший не таким, каким он хотел его видеть. Слишком мягкий, слишком мечтательный, слишком далекий от суровой реальности, которую граф Анри считал единственно верной. Его жена, Софи, умерла, когда Филиппу было всего пять лет, оставив графу Анри бремя воспитания сына в одиночку. И теперь, глядя на Филиппа, он видел лишь упущенные возможности, слабость, которую он так презирал. «Пора ему остепениться,» — думал граф, сжимая кубок. — «Пора жениться». Найти достойную партию, которая бы вправила ему мозги, научила бы

ответственности. А пока... пока он снова подвел его, исчезнув без следа, оставив после себя лишь раненую лошадь и тревогу. Злость бурлила в нем, смешиваясь с горьким привкусом вина и разочарования.

Утро наступило серым и промозглым. Туман, густой и влажный, окутывал замок, скрывая подножие горы и верхушки деревьев. Группа вооруженных людей, состоящая из графа Анри, его верного оруженосца Жана — молодого, но уже опытного воина с решительным взглядом и крепким телосложением, и нескольких самых смелых слуг, отправилась в лес. Они двигались медленно, внимательно осматривая каждый куст, каждый след.

Лес встретил их тишиной, нарушаемой лишь скрипом ветвей и шорохом листвы под ногами. Солнечные лучи с трудом пробивались сквозь плотный полог деревьев, создавая причудливую игру света и тени. Прошло несколько часов, прежде чем Жак, остановившись у небольшой поляны, указал дрожащим пальцем на землю. «Вот... вот здесь, милорд,» — прошептал он, его голос был полон скорби.

На траве, среди опавших листьев, виднелось темное пятно. Кровь. Много крови. Чуть поодаль — порванный кусок ткани, явно принадлежавший одежде Филиппа. Место падения было очевидным. Следы борьбы, если они и были, скрыла природа. Но кровь говорила сама за себя. Филипп был здесь. И он был ранен.

Граф Анри смотрел на это место с каменным лицом, но в глубине его глаз мелькнула тень беспокойства, которую он тут же старательно скрыл. Он приказал слугам внимательно осмотреть окрестности, но никаких других следов, кроме тех, что указывали на падение, они не нашли. Ни следов преследователей, ни следов того, куда мог уйти раненый юноша.

Поиски продолжались до самого вечера, но они не увенчались успехом. Лес хранил свои тайны, и Филипп, казалось, растворился в его глубинах. С тяжелым сердцем, подгоняемые наступающими сумерками, отряд вернулся в замок.

Жан, с лицом, омраченным тревогой, подошел к графу, чтобы получить распоряжения на завтра.

«Значит, он упал,» — произнес старый граф, его голос был ровным, но в нем звучала сталь. — «И, судя по всему, серьезно ранен. Но где он теперь?» Его взгляд скользнул по лицу Жана. «Продолжайте поиски завтра. И на этот раз, Жан, будьте более тщательны. Я хочу знать, что случилось с моим сыном.»

В замке снова воцарилась напряженная тишина, но теперь она была наполнена не суетой, а глухим, гнетущим ожиданием. Ночь казалась бесконечной, и каждый шорох за окном заставлял слуг вздрагивать, надеясь на хорошие вести.

На следующее утро, когда первые лучи солнца едва пробивались сквозь туман, окутывающий замок, отряд вновь отправился в лес. Граф Анри, несмотря на свой возраст, настоял на личном участии, его лицо было непроницаемой маской, но в глазах горел решительный огонь. Жан, его верный оруженосец, вел отряд, его взгляд был сосредоточен, а движения точны. Они двигались по тому же маршруту, что и накануне, но теперь их поиски были более методичными, более детальными.

Они тщательно осматривали каждый куст, каждую расщелину в скалах, каждый ручей.

Прошло несколько часов, прежде чем Жан, внимательно осматривая землю у подножия старого дуба, остановился.

«Милорд,» — позвал он, его голос был напряжен. — «Смотрите.»

На этот раз они нашли не только кровь. У корней дуба, среди опавшей листвы, виднелись следы. Нечеткие, но определенно следы. Кто-то волочил тело. И следы эти вели в сторону густого, почти непроходимого подлеска, где деревья стояли так плотно, что солнечный свет едва проникал сквозь их кроны.

Граф Анри подошел ближе, его взгляд был прикован к земле. Он не произнес ни слова, но его кулаки сжались так, что побелели костяшки пальцев. Он знал, что это не просто несчастный случай. Его сын, его наследник, был похищен.

«Жан,» — произнес он наконец, его голос был низким и угрожающим. — «Ты и двое самых сильных людей. Идите по этим следам. Не останавливайтесь, пока не найдете его. Или того, кто это сделал.»

Жан кивнул, его лицо было бледным, но решительным. Он выбрал двух самых крепких слуг, вооруженных до зубов, и отправился вглубь леса, следуя по едва заметным следам.

ГЛАВА 6. Легенда о Вечном Страже

Дни, словно осенние листья, медленно опадали, унося с собой тревогу и боль. Забота Кристин, ее нежные руки, прикладывающие к ранам целебные травы, и мудрые наставления бабушки Маргарет, словно невидимые нити, сплетались в исцеляющий покров для графа Филиппа де Виконси. Его тело, измученное падением с лошади и травмами, постепенно обретало силу. Лицо, еще недавно бледное и осунувшееся, вновь наливалось красками, а в глазах, некогда потухших от страданий, загорелся прежний огонек.

Но вместе с физическим выздоровлением приходила и другая, куда более сложная борьба. Мир, из которого он прибыл — звал его обратно. Его люди, его обязанности, его имя — все это требовало его возвращения. Слуги и отец граф Анри де Виконси в родовом замке, должно быть, уже сбились с ног в поисках него, потерянного во время охоты в этих диких лесах.

Однако, чем сильнее становилось его тело, тем сильнее тянуло его к другому миру. Миру Кристин. Миру, где воздух был напоен ароматом трав и влажной земли, где каждый шорох листвы казался шепотом древних тайн, а в глазах девушки отражалась сама гармония природы. В ее присутствии Филипп чувствовал себя иначе — спокойнее, чище, словно смывалась вся грязь и суета его прежней жизни. Он видел в ней не просто прекрасную девушку, а воплощение той самой таинственности и волшебства, которое всегда манили его, но оставались недостижимыми в его привычном окружении.

Однажды вечером, когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в багряные и золотые тона, Филипп нашел Кристин у ручья, где она собирала какие-то травы.

«Кристин,» — начал он, его голос звучал непривычно мягко. — «Я... я должен скоро вернуться.»

Девушка подняла на него свои большие, голубые глаза, в которых мелькнула тень грусти. «Я знаю, граф, твой отец, наверное, уже потерял всякую надежду.»

«Но... я не хочу уходить,» — признался Филипп, и эти слова, вырвавшиеся из глубины души, удивили его самого. — «Здесь... здесь я чувствую себя иначе. Спокойнее. И ты... ты стала для меня очень дорога.»

Он сделал шаг к ней, его рука невольно потянулась, чтобы коснуться ее щеки, но остановилась в воздухе. «Кристин, я знаю, что это, возможно, безумие. Но... хотела бы ты стать частью моего мира? Частью моей жизни? В замке, где я живу, есть место и для тебя.»

В глазах Кристин мелькнуло понимание, но вместе с ним и решимость. Она покачала головой, ее взгляд стал тверже. «Граф Филипп, я благодарна Вам, тебе, за Ваши слова. И я тоже... я тоже чувствую к Вам, тебе, нечто особенное. Но я не могу.» «Почему?» — спросил он, его сердце сжалось. «Потому что мы разные, граф,» — тихо ответила она. — «Ты — граф, наследник знатного рода, тебе предстоит управлять землями, принимать решения, которые влияют на жизни многих людей. Твой мир — это мир людей, мир замков и городов. А мой мир — это лес. Это травы, это звери, это тишина и покой. Я не смогу жить в твоём мире. Я не смогу отказаться от того, что составляет мою суть, от того, чему меня учила бабушка, от того, что я люблю больше всего на свете.»

Она посмотрела на него с нежностью, но и с печалью. «Я понимаю, что тебя манит этот мир, мир природы, ее таинственности. Но это не твой мир, граф. Ты принадлежишь к другому. И я... я не могу быть той, кто уведет тебя от твоего предназначения.»

Филипп молчал, переваривая ее слова. Он знал, что она права. Разница между ними была огромна, как пропасть. Но от этого боль в его груди не становилась меньше.

Вечером того же дня, когда за окном лесной избушки бушевал ветер, а дождь барабанил по крыше, словно тысячи маленьких барабанчиков, Филипп, Кристин и бабушка Маргарет

сидели у очага. Пламя весело плясало, освещая их лица и наполняя комнату теплом. В котле над огнем тихо булькало зелье, предназначенное для тех, кто искал у знахарки помощи.

Филипп смотрел на огонь, его мысли были далеко. Он вспоминал обрывки детских историй, рассказанных старым конюхом в замке. Историй о горе Вечный Страж, что возвышалась над их владениями. Конюх говорил о ней с каким-то особым трепетом, но Филипп тогда был слишком мал, чтобы понять глубину его слов. Теперь, сидя здесь, в сердце леса, под аккомпанемент стихии, он чувствовал, что эта гора хранит в себе нечто большее, чем просто древние камни.

«Бабушка Маргарет,» — обратился он к старушке, которая сосредоточенно помешивала зелье деревянной ложкой. — «Вы знаете легенду о горе Вечный Страж?»

Маргарет подняла на него свои пронизательные глаза, в которых, казалось, отражались века. «Знаю, граф. Это старая легенда, которую передают из уст в уста. Почему ты спрашиваешь?»

«Мне кажется,» — начал Филипп, подбирая слова, — «что моя семья как-то связана с этой горой. Конюх говорил, что с тех пор, как мы построили замок у ее подножия, на наш род легло какое-то проклятие. Я никогда не понимал, что он имел в виду. Но сейчас... сейчас я чувствую, что эта гора хранит ответы.»

Ветер за окном завыл еще сильнее, словно вторя его словам. Дождь усилился, и казалось, что сама природа пытается что-то сказать. Маргарет отложила ложку и посмотрела на Филиппа с задумчивым выражением лица.

«Проклятие, говоришь?» — прошептала она. — «Легенда гласит, что давным-давно, когда земли эти были дикими и нетронутыми, на вершине горы Вечный Страж обитал древний дух. Дух, который охранял равновесие природы и ее тайны. Люди жили в гармонии с ним, принося ему дары и уважая его силу.»

Она сделала паузу, ее взгляд устремился куда-то вдаль, сквозь стены избушки, сквозь бушующий дождь. «Но потом пришли твои предки, граф. Они увидели в горе лишь камень и землю, которые можно использовать. Они решили построить свой замок, не спросив разрешения у духа, не предложив ему даров. Они хотели подчинить себе природу, а не жить в согласии с ней.»

Кристин, сидевшая рядом, прижалась к бабушке, ее глаза были широко раскрыты.

«Дух Вечного Стража,» — продолжила Маргарет, — «был разгневан. Он не мог допустить, чтобы его владения были осквернены таким образом. Он не стал уничтожать их, нет. Он решил наложить на них печать. Печать, которая будет напоминать им о их гордыне и о том, что они нарушили священные законы природы. Печать, которая будет проявляться в их жизни через поколения.»

«Какую печать?» — спросил Филипп, его голос дрожал от волнения.

«Печать одиночества,» — ответила Маргарет. — «Печать, которая будет преследовать их род. Они будут стремиться к власти, к богатству, к славе, но никогда не найдут истинного счастья. Их сердца будут полны тоски, их души — жажды чего-то неуловимого. Они будут искать, но не находить. И это будет продолжаться до тех пор, пока кто-то из них не поймет истинную цену гармонии и не попытается искупить вину своих предков.»

Филипп почувствовал, как по его спине пробежал холодок. Он вспомнил своего отца, вечно погруженного в дела, мать, чьи глаза всегда были полны печали, и себя самого, часто ощущавшего пустоту, несмотря на все привилегии. Неужели это и было то самое проклятие? Неужели его род обречен на вечную погоню за призрачным счастьем?

Он посмотрел на Кристин, на ее спокойное, чистое лицо, освещенное отблесками огня. В ее глазах он видел ту самую гармонию, которой так не хватало в его мире. И он понял, что именно в этом мире, мире природы и ее тайн, он, возможно, сможет найти ключ к искуплению. Ключ, который поможет ему не только самому обрести покой, но и снять печать с его рода. Но

как это сделать? И что для этого потребуется? Эти вопросы, словно тени, начали сгущаться вокруг него, предвещая новые испытания.

Филипп чувствовал, как его мир, привычный и понятный, рушится под натиском древней легенды. Он всегда считал себя хозяином своей судьбы, но теперь осознал, что его жизнь, как и жизни его предков, была лишь частью куда более грандиозного и таинственного замысла. Слова Маргарет эхом отдавались в его сознании: «Печать одиночества... жажда чего-то неуловимого... пока кто-то из них не поймет истинную цену гармонии и не попытается искупить вину своих предков.»

Он посмотрел на Кристин, которая, казалось, была воплощением этой самой гармонии. Ее отказ стать частью его мира теперь казался не просто проявлением разницы в их положении, а глубоким, интуитивным пониманием того, что их миры несовместимы, пока проклятие не будет снято. Она не могла войти в его мир, потому что этот мир был болен.

«Как... как можно снять эту печать?» — наконец спросил Филипп, его голос был хриплым. — «Что нужно сделать, чтобы искупить вину?»

Маргарет вздохнула, ее взгляд стал еще более глубоким. «Легенда не дает точного ответа, граф. Она говорит лишь о том, что тот, кто искренне поймет и примет законы природы, кто будет готов пожертвовать чем-то очень ценным ради восстановления равновесия, тот сможет найти путь. Путь к сердцу Вечного Стража.»

«К сердцу Вечного Стража?» — переспросил Филипп, чувствуя, как внутри него зарождается странное предчувствие.

«Да,» — кивнула Маргарет. — «Говорят, что глубоко в недрах горы, там, где бьется ее сердце, хранится древний артефакт. Артефакт, который способен либо усилить проклятие, либо снять его. Но путь к нему опасен и доступен лишь тем, кто чист душой и готов к истинным испытаниям.»

Кристин, до этого молчавшая, подняла голову. «Бабушка, ты говорила, что этот артефакт связан с древними духами леса. Что он может быть как благословением, так и великой бедой.»

«Именно так, дитя мое,» — подтвердила Маргарет. — «Сила его огромна. И тот, кто осмелится искать его, должен быть готов к встрече с самим собой, со своими страхами и со своей истинной природой.»

Филипп почувствовал, как в нем просыпается нечто новое. Не просто любопытство, а глубокое, почти мистическое влечение. Мир загадок природы, ее таинственности, который всегда манил его, теперь предстал перед ним не просто как объект изучения, а как путь к спасению. Спасению его рода, спасению его собственной души.

«Я должен это сделать,» — произнес он, и в его голосе прозвучала решимость, которой не было раньше. — «Я должен найти этот артефакт. Я должен снять это проклятие.»

Кристин посмотрела на него с тревогой, но и с восхищением. Она видела в его глазах не просто жажду приключений, а глубокое, искреннее желание исправить ошибки прошлого.

«Это будет нелегко, граф,» — предупредила Маргарет. — «Путь к сердцу Вечного Стража не проложен для людей. Он требует не только силы и отваги, но и мудрости, терпения и глубокого уважения к природе.»

«Я готов,» — ответил Филипп, его взгляд был устремлен в пламя очага, где, казалось, танцевали тени будущих испытаний. Он знал, что возвращение в замок неизбежно, но теперь это было не просто возвращение к обязанностям. Это было возвращение к началу нового пути. Пути, который вел не только к его родовому замку, но и к сердцу Вечного Стража, к разгадке тайны, окутывающей его род.

Следующие дни прошли в напряженном ожидании. Филипп, несмотря на полное выздоровление, чувствовал себя частью этого лесного мира, словно его прежняя жизнь была лишь сном. Он помогал Кристин собирать травы, учился различать их по запаху и цвету, слушал шепот ветра в кронах деревьев и наблюдал за танцем солнечных лучей сквозь листву. Каждый

миг, проведенный рядом с ней, наполнял его спокойствием и какой-то неведомой радостью. Но мысль о возвращении не давала покоя. Его отец, его замок, его долг — все это ждало его.

Однажды утром, когда туман еще не рассеялся над лесом, к избушке подошли несколько вооруженных людей. Их появление было резким вторжением в тишину, нарушением хрупкой гармонии. Филипп, увидев Жана, понял — время пришло.

Прощание с Кристин было горьким. Они стояли у дверей избушки, которая стала временным пристанищем для Филиппа.

«Я никогда не забуду тебя, Кристин,» — сказал Филипп, его голос был полон невысказанных чувств. — «Ты показала мне другой мир, мир, который я, возможно, никогда бы не увидел без тебя.»

«И я не забуду тебя, Филипп,» — ответила она, ее глаза блестели от слез. — «Пусть твой путь будет легким, и пусть Вечный Страж хранит тебя.»

Он хотел обнять ее, но остановился. Разница в их положении, в их мирах, была слишком велика. Вместо этого он лишь коснулся ее руки. «Я вернусь. Я должен вернуться. Но я не забуду твоих слов. И я постараюсь понять.»

Бросив последний взгляд на Кристин, на ее бабушку Маргарет, которая стояла рядом с ней, словно незыблемая скала, он отправился в путь. Лес медленно отступал, уступая место полям и холмам, а затем и знакомым очертаниям родового замка.

Глава 7. Эхо леса

Воздух в замке Виконси, казалось, сгустился от невысказанного напряжения. Филипп, еще не оправившийся от физической слабости, но уже ощущавший внутреннюю бурю, ступил на знакомый, но теперь чужой паркет. Каждый шаг отдавался эхом в просторном холле, где его ждал отец. Граф Анри де Виконси, чье лицо было высечено из камня суровых лет и нетерпения, стоял, скрестив руки на груди, словно грозовая туча, готовая разразиться ливнем.

«Где ты был, Филипп?» — голос отца прозвучал как удар хлыста, резкий и безжалостный. — «Несколько дней от тебя ни слуху ни духу! Ты знаешь, что это значит для меня? Для нашего рода? Ты мог погибнуть, и никто бы не знал!»

Филипп почувствовал, как внутри него поднимается волна, столь же дикая, как та, что чуть не унесла его жизнь в лесу. Он видел страх в глазах отца, но видел и гнев, который, казалось, затмевал все остальное.

«Я упал с лошади, отец,» — ответил Филипп, стараясь говорить спокойно, но в его голосе уже звучала сталь. — «И меня нашли. Я не мог сообщить о себе, потому что был без сознания.»

«Без сознания? И где же тебя нашли, если не секрет?» — отец сделал шаг вперед, его глаза сверкали. — «В какой-то лесной глуши? Ты, наследник Виконси, валяешься в грязи, и никто не знает, жив ты или мертв? Это недопустимо!»

Филипп почувствовал, как его терпение истощается. Он видел, как отец, привыкший к беспрекословному подчинению, не мог принять его возвращение как факт, а лишь как повод для очередного выговора.

«Меня нашли добрые люди, отец,» — произнес Филипп, и в этот момент он впервые в жизни почувствовал, что может бросить вызов. — «И я благодарен им. Но я не собираюсь оправдываться за то, что чуть не погиб.»

«Чуть не погиб?» — отец рассмеялся, но смех его был горьким и злым. — «Твой долг — быть здесь, в замке, готовым к своим обязанностям! А ты один, безрассудно, уехал на охоту. Я решил, что пришло время тебе жениться. Я выбрал тебе невесту. И это не обсуждается!»

Слова отца ударили Филиппа, как молния. Жениться? На той, которую выбрал отец? На той, чье имя он даже не слышал? В его голове промелькнуло лицо Кристин, ее глаза, полные жизни и света, ее улыбка, такая естественная и искренняя.

«Нет, отец,» — произнес Филипп, и его голос, казалось, дрогнул от силы эмоций. — «Я не буду жениться по вашему выбору. Я женюсь только по любви. На той, которую выберет мое сердце.»

Лицо графа Анри исказилось от ярости. Он никогда не слышал такого от своего сына.

«Что ты сказал?» — прорычал он, его кулаки сжались. — «Ты смеешь перечить мне? Ты, мой сын, мой наследник? Ты забыл, кто здесь хозяин?»

«Я не забыл, отец,» — ответил Филипп, чувствуя, как его охватывает решимость. — «Но я также не забыл, кто я, и я не позволю Вам распоряжаться моей жизнью, как вещью.»

Скандал разразился с новой силой. Слова летели, как стрелы, ранящие и обжигающие. Филипп, чувствуя, как силы покидают его, отступил. Он видел, что дальнейший спор бесполезен, что отец, ослепленный гневом и гордыней, не услышит его.

«Я удаляюсь в свои покои, отец,» — произнес Филипп, его голос был тих, но тверд. — «Я не могу больше находиться здесь, когда Вы так со мной разговариваете.»

Он повернулся и, не дожидаясь ответа, направился к лестнице, ведущей в его личные апартаменты. Каждый шаг вверх казался ему шагом в другой мир, мир, где он мог быть самим собой.

Его комната, расположенная в восточном крыле замка, была воплощением утонченности конца XVIII века. Высокие потолки украшала лепнина с растительными мотивами, стены были

оклеены дорогими обоями с дамасским узором. Тяжелые бархатные портьеры цвета бордо скрывали окна, но даже сквозь них пробивался слабый свет луны, освещающая массивную резную кровать с балдахин, письменный стол из красного дерева, заваленный бумагами и книгами, и несколько кресел, обитых шелком. На стенах висели портреты предков, их строгие взгляды, казалось, следили за каждым его движением. Воздух был пропитан запахом старого дерева, кожи и легким ароматом лаванды, которую, по его приказу, добавляли в белье. Но сегодня все это великолепие казалось ему холодным и пустым.

Филипп опустил в кресло у окна, отодвинув тяжелую портьеру. Лунный свет серебрил верхушки деревьев в парке, создавая призрачные тени. Он провел рукой по лицу, чувствуя усталость, которая была не только физической. Ночь обещала быть долгой.

Его мысли металась между двух миров. Мир замка, мир его отца, мир обязанностей и условностей, казался ему теперь чужим и давящим. В нем не было места искренности, не было места настоящим чувствам. Он чувствовал себя пленником в золотой клетке, где каждый его шаг был предопределен.

И тут перед его глазами возник образ Кристин. Ее лицо, обрамленное копной непослушных темно-каштановых волос, ее смеющиеся глаза, ее руки, ловко перебирающие травы. Она была воплощением той жизни, которой ему так не хватало. Жизни, полной естественности, гармонии с природой, свободы. Он вспомнил ее прикосновение, когда она помогала ему встать, ее голос, когда она говорила с ним. Это было так недавно, но казалось, прошла целая вечность. И он, наследник знатного рода, чувствовал, как его тянет к этой простой девушке из лесной избушки. Это было странно, необъяснимо, но неоспоримо.

Он вспомнил легенду, которую рассказала Маргарет, ее тихий, но пронзительный голос, говоривший о горе Вечный Страж, о древнем проклятии, которое тяготело над его родом. Но сейчас, в этой тишине, в этой темноте, эти слова обрели еще более угрожающий смысл. Неужели его падение и встреча с Кристин, Маргарет — это не просто случайность, а нечто большее? Неужели именно она, девушка из леса, может стать ключом к освобождению его рода от векового проклятия? Мысли о Кристин, о ее мире, о тайнах, которые она, возможно, хранила, переплетались с мрачными предсказаниями Маргарет. Филипп поднял голову, вглядываясь в темноту за окном. Лес, который он так любил, теперь казался ему не просто местом охоты, а живым существом, хранящим древние тайны. Он вспомнил, как Кристин рассказывала ему о духах леса, о том, как важно жить в гармонии с природой. Эти слова, сказанные в тот день, когда он был слаб и уязвим, теперь звучали в его сознании с новой силой.

Он встал и подошел к письменному столу. Взял перо, но чернила казались ему такими же безжизненными, как и его собственная жизнь в этом замке. Он не мог писать о делах, о политике, о том, что требовал от него отец. Его перо могло писать только о Кристин, о ее глазах, о ее смехе, о том чувстве, которое он испытывал, находясь рядом с ней.

Филипп подошел к окну и распахнул его. Прохладный ночной воздух ворвался в комнату, принося с собой запахи хвои и влажной земли. Он глубоко вдохнул, пытаясь почувствовать ту самую гармонию, о которой говорила Кристин. Он знал, что завтрашний день принесет новые испытания. Отец не отступит от своего решения, а он, Филипп, не сможет смириться с браком без любви.

Но теперь в его душе появилась новая надежда. Надежда, связанная с образом девушки из леса, с ее искренностью и чистотой. Он понял, что его тяга к ней — это не просто увлечение, а зов сердца, зов судьбы. И, возможно, именно в этой любви, в этой связи с природой, он найдет ключ к освобождению от векового проклятия своего рода.

Он закрыл окно, но ощущение свежести осталось. Филипп лег в кровать, но сон не шел. Он лежал, глядя в потолок, и в его сознании проносились картины: лес, Кристин, ее бабушка, мрачная гора Вечный Страж. Он знал, что его жизнь изменилась навсегда. И он был готов бороться за свое счастье, за свою любовь, за освобождение своего рода от теней прошлого.

Он заснул, и ему снился лес, полный света и жизни, и в центре этого леса стояла Кристин, улыбаясь ему.

Утро в замке Виконси наступило с привычной суетой. Слуги бесшумно скользили по коридорам, готовя завтрак, зажигая свечи в гостиных, где еще царил полумрак. Но для Филиппа это утро было иным. Оно несло в себе отголоски вчерашнего скандала и предвкушение новых испытаний. Он спустился к завтраку, чувствуя на себе тяжелый взгляд отца, который уже сидел за длинным дубовым столом, поглощенный чтением газеты.

Граф Анри поднял глаза, и в них читалось не только недовольство, но и какая-то новая, настороженная оценка. Он видел, что сын не сломлен, что в его глазах горит огонь, который он, отец, не смог потушить.

«Ты сегодня тих, Филипп,» — произнес граф, откладывая газету. — «Надеюсь, ты обдумал мои слова.»

Филипп поставил чашку с кофе на блюде. «Я обдумал их, отец. И мое решение не изменилось. Я не могу жениться по принуждению. Мое сердце принадлежит другой.»

Граф Анри сжал губы. «Другой? Ты говоришь о той, что нашла тебя в лесу? О какой-то крестьянке?» В его голосе звучало презрение, которое Филипп уже не мог терпеть.

«Она не просто крестьянка, отец. Она — человек. И она мне дорога. Я не позволю Вам унижать ее или меня.» Филипп встал из-за стола. «Я не буду завтракать. Я пойду прогуляться.»

Он вышел из столовой, оставив отца в одиночестве с его гневом и непониманием. Филипп направился к конюшне, но не для того, чтобы выбрать лошадь для охоты. Он хотел отправиться к лесу, к той избушке, где он оставил Кристин. Ему нужно было увидеть ее, убедиться, что она в порядке, и, возможно, найти в ее присутствии утешение и силы.

ГЛАВА 8. Зов Сердца

Утро в лес всегда приходило тихо, словно боясь нарушить сон спящих деревьев. Но сегодня тишина была особенной, пропитанной невысказанными тревогами. Избушка знахарки Маргарет, приютившаяся в самой чаще, казалась окутанной легкой дымкой, словно сама природа пыталась скрыть ее от посторонних глаз.

Дверь скрипнула, и на пороге появилась Кристин. Ее глаза, обычно сияющие живым огнем, сегодня были немного припухшими от бессонной ночи, но в них светилась такая искренняя радость, что казалось, будто само солнце решило заглянуть в эту лесную обитель. Увидев Филиппа, стоящего чуть поодаль, она бросилась к нему, забыв обо всем на свете.

«Филипп! Ты пришел!» — ее голос был полон облегчения и нежности. Она обняла его крепко, прижимаясь к его груди, словно искала в нем убежище от всех своих страхов. Филипп ответил на объятие с той же силой, его сердце билось в унисон с ее. Он тоже не спал, терзаемый мыслями о ней, о предстоящей разлуке, о неясной угрозе, нависшей над их счастьем.

«Я не мог не прийти, Кристин,» — прошептал он, вдыхая аромат ее волос, смешанный с запахом леса. «Я думал о тебе всю ночь.» Всего лишь ночь в дали друг от друга стерла все границы и условности. Кристин и Филипп забыли обо всем, даже о Маргарет, которая сидела в полумраке избушки. Ее морщинистое лицо было задумчивым, а взгляд, устремленный куда-то вдаль, казался полным глубокой печали. Она наблюдала за молодыми людьми, за их искренней, чистой любовью, которая расцветала так ярко, но была обречена с самого начала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.